

Эйшель Антонов

г. Архангельск

Покаяние

(Продолжение. Начало в № 10/2016)

Часть 8

***

Арина написала прошение:

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Архиепископу Архангельскому и Холмогорскому,

Прошение

Нижайше просим благословить церковное поминовение нашего мужа и отца, раба Божьего Михаила (Михаила Александровича Соболева, урождённого 20 мая/2 июня 19** года), совершившего 2/15 июля 20** года в состоянии сильного душевного волнения смертный грех самоубийства.

Перед совершением греха самоубийства у раба Божьего Михаила умерла дочь, а 1/14 июля 20** года он был доведён до состояния, приведшего его к трагическому решению.

...

Весной этого же года раб Божий Михаил прошёл таинство соборования.

Испрашиваем молитв Вашего Высокопреосвященства раб Божий Николай, раба Божья Ксения, раба Божья Арина.

12/25 февраля 20** г. от Р. Х.

Девушка отвезла прошение в канцелярию Архангельского Епархиального управления. Приветливая женщина приняла прошение, зарегистрировала, попросила номер телефона.

– Как только Владыка примет решение, мы сразу известим вас.

– Спасибо!

– Спаси Господи!

Арина надеялась на быстрый ответ, но прошёл февраль, началась весна. Ответа не было. Девушка съездила в управление. Секретарь успокоила её, что прошение куда-то не пропало, у Владыки очень много дел, поэтому он ещё не смог принять решение.

Март был тёплым и солнечным. Очень быстро стаял весь снег. А в апреле неожиданно ударили морозы, точнее утренники. По ночам было очень холодно, мороз крепчал до минус пятнадцати градусов, доходя иногда до двадцати. Днём было чуть теплее, около двух-пяти градусов ниже нуля.

Арина углубилась в учёбу, стараясь забыть и не думать о прощении. Она так боялась получить отказ. Пока не было ответа, хоть какая-то надежда в ней теплилась. По выходным она брала подругу и ходила с ней на каток, который в связи с морозами работал до середины апреля. Катаясь под музыку, она забывала обо всём.

Апрель закончился так же быстро, как и март. В мае Арина совсем потеряла надежду. Она продолжала молиться по вечерам, в воскресенье ходила на службу в церковь. Мама была против, но бабушка убедила её, что Арина уже вполне взрослая и будет лучше, если она сама станет решать, что ей делать.

Под конец семестра было много лабораторных работ и семинаров. Весь день на учёбе, вечером в читальном зале или дома

за подготовкой и оформлением отчётов. Всё-таки первый учебный год был очень напряжённым. Арина так уставала, что вечером валялась от усталости и мгновенно засыпала.

Хорошо, что была собака, которая выгуливала её два раза за день. С ней она хоть немного могла подышать свежим воздухом и порадоваться весеннему солнышку. Арина прогуливалась по набережной, любовалась заходом солнышка, которое каждый вечер скрывалось за журавликами Красной Кузницы.

Стремительно приближалось лето. Надо было успевать сдать все зачёты до начала полевых практик, чтобы потом не бегать перед самой сессией. Времени на всё не хватало. Арина спала совсем мало, по пять-шесть часов, чтобы успеть сделать всё, что было задано на следующий день. Конечно, она могла бы, как некоторые студенты из их группы, учиться не столь ревностно, но она очень хотела получить стипендию. Во-первых, это бы порадовало маму и бабушку, а, во-вторых, у неё были бы свои, пусть и не очень большие, но всё-таки свои собственные деньги, заработанные умом.

Обычно Арина никогда не отвечала на звонки с незнакомых номеров, но этот звонок был очень настойчивым. Звонили с городского номера, это девушка определила по коду города Архангельска. Решила ответить.

– Алло! Здравствуйте! Это вас беспокоят из канцелярии Архангельского Епархиального управления.

– Да... Здравствуйте.

– Вы подавали прошение Владыке?

– Да!

– Владыка подписал ваше прошение. Вы можете подъехать за ответом?

– Да, конечно! Я сейчас подъеду.

Арина еле дождалась окончания третьей пары. Ей так не терпелось, так хотелось убежать поскорее. Можно было отпроситься, но тогда пришлось бы объяснять причину.

Обманывать преподавателя – грех, она и так уже нагрешила столько, что на душе полная сумятица. Сказать правду – не хотелось посвящать никого в свои проблемы. Люди

по натуре любопытны: расспросят, потом обсудят с коллегами. Смотришь, а уже весь факультет в курсе твоих личных дел.

Арина бегом выскочила из корпуса, как только прозвенел звонок. Пошла пешком. Идти от корпуса по Ленинградскому до управления всего только одну остановку. Она то ли шла, то ли бежала, то ли летела. Сама даже не заметила, как это случилось. Всю дорогу мучал вопрос: «А какой ответ? Что написал Владыка?»

Она остановилась около дверей в управление. Отдышалась. Тихо зашла.

– Добрый день! Вы мне звонили. Я за ответом на прошение.

– Добрый день! Вот, пожалуйста, возьмите ответ.

Арина взяла бумагу. Это было её прошение, отпечатанное на компьютере. В левом верхнем углу крупными буквами разборчиво было написано:

*Разрешается отпеть
Архиепископ Архангельский и Холмогорский
Подпись
Дата*

Радость переполнила её сердце. Она была готова прыгать от счастья.

– Разрешается! Разрешается! Разрешается!

– Позвольте, я положу ваше прошение в файл.

Смысл сказанного не сразу дошёл до её мозга.

– Да, да, конечно. Спасибо!

– Спаси Господи!

***

Арина вихрем влетела в квартиру Ксении Николаевны.

– Разрешили отпеть! Разрешили отпеть! Разрешили отпеть!

Она всё повторяла и повторяла эту фразу. Никак не могла остановиться от радости. Жена дяди Миши села на стул, откинулась на стенку кухни.

– Спаси Господи!

Она закрыла лицо руками, плечи вздрагивали от рыданий.

– Ну что вы, тётя Ксюша! Всё же хорошо?

Ксения Николаевна вытерла слёзы, подошла к раковине, включила воду и умылась.

– Прости, Ариша, это я от радости! Честно говоря, совсем нечаянная радость. Прости Господи, не верила я, что разрешат. Не могло этого случиться.

– Дядя Миша ведь не виноват. Вот ему и поверили.

– Да, не виноват. Это ты, доченька, своими молитвами спасла его!

Женщина снова залилась слезами. Арина села рядом, прижалась к ней. Так они и просидели бы до позднего вечера, если бы не пришёл Николай.

Ксения Николаевна говорила ей, что всё уже рассказала сыну. Поэтому Арина, если честно, побаивалась встречи с ним. Вот возьмёт да и выгонит её из дому и запретит приходиться к своей маме, чтобы не волновать её. Для сердечников, что радостное событие, что огорчительное, – всё едино: стресс. А от стресса может и инфаркт случиться.

Николай вошёл на кухню. Сын у Михаила Александровича был под стать ему: высокий, крепкий, с такими же серыми внимательными глазами. Арина видела его только на детских фотографиях, а теперь подивилась тому, как он был похож на дядю Мишу. Она поднялась ему навстречу. Николай улыбнулся ей, ну совсем как дядя Миша. От сердца отлегло: «Никто её гнать из этого дома не будет».

Арина протянула молодому человеку бумагу. Николай присел на табуретку, внимательно прочитал.

– Давайте чаю попьем!

Ксения Николаевна засуетилась, загромычала чайником.

– Ты, мама, не суетилась бы. Неровен час, сердцу плохо станет.

– Да, сердце так и прыгает. Надо бы успокоительное принять. Коля, достань там, в шкафчике.

Николай достал успокоительное, налил воды. Женщина сидела с закрытыми глазами.

– Может, «скорую» вызвать?

– Нет-нет, это у меня бывает. Ариша, ты чайник поставь.

Арина налила в чайник воду, зажгла газ, поставила чайник на плиту. Огонь лизал дно чайника. Девушка задумчиво глядела на языки пламени. Огонь, сосны и море. Она физически ощущала, что дядя Миша где-то здесь, рядом с ней. Его тепло согревало её душу. Хотелось, как раньше, прижаться к нему и поговорить.

– Ариша, а ты где учишься?

Девушка вздрогнула от голоса. Ей помешалось, что это дядя Миша заговорил с ней. Она обернулась. Поняла, что голос на самом деле принадлежал Николаю, они были похожи с отцом не только внешне, но и тембром голоса.

– На естественно-географическом факультете.

За чаем они разговорились. Арине было хорошо и уютно в этом доме.

– Вот я только не знаю, в какую церковь идти с подписанным прошением.

– Миша ходил в Соловецкую. Наверное, лучше туда сходить.

– Хорошо, я схожу, договорюсь, а потом все вместе сходим на отпевание.

– Договорились.

Арине хотелось всё сделать самой, до самого конца. Она так боялась, что Николай перехватит у неё инициативу, но молодой человек сослался на занятость, у него было очень много работы. И она пошла одна.

Храм располагался на втором этаже. Арина поднялась по широкой лестнице. Перекрестилась на образа. Тихо подошла к служительнице, стоящей за столом со свечами.

– Добрый день! Я могу поговорить со священником по поводу прошения?

Девушка протянула бумагу.

– Здравствуйте!

Служительница внимательно посмотрела на бумагу, прочитала.

– По этому поводу надо поговорить с Батюшкой Настоятелем.

Женщина ушла через боковую дверь. Арина стояла перед образом Богородицы.

– Пресвятая Владычице Богородице, единая чистейшая душою и телом, помоги мне. Заступись за раба Божьего Михаила!

Мощный голос из глубины монастырских коридоров заставил её вздрогнуть.

– И объясните, пожалуйста, что мы не отказываем, а права не имеем.

Женщина вышла с её бумагой. Арина уже поняла, что поступил отказ.

– Простите, но вы не туда обратились. Понимаете, наш храм подчиняется Соловецкой обители, которая напрямую подчинена Патриарху Московскому и всея Руси. А разрешение у Вас получено от Архангельской Епархии, которой мы не подчиняемся. Батюшка просил прощения, но вынужден был отказать.

– Я понимаю. Спаси Господи.

– Спаси Господи!

Арина поклонилась, перекрестилась трижды и ушла. Она поняла, что ей отказали и не отказали. Просто она не туда пришла. Ей нужно идти в храм, который подчиняется местной церковной власти.

***

Дядя Миша был похоронен на кладбище «Южная Маймакса». Арина бывала там и видела, что на кладбище есть часовня. В субботу с утра не было занятий, и она решила поехать в часовню. Всего-то надо было проехать по мосту через реку Кузнечиха и Соломбалу, а там уже совсем близко находилось кладбище.

Выйдя из автобуса, Арина зашла в часовню. Помещение было очень маленькое, народу было набито битком. Шла служба. Девушка не стала спешить. Подождала, пока пройдёт служба, а потом подошла к служительнице.

– Скажите, пожалуйста, я могу обратиться к Батюшке?

– А вы по какому вопросу?

– Вот у меня прошение.

Арина достала бумагу. Служительница внимательно прочитала, рассмотрела резолюцию и подпись.

– Подождите, я сейчас сама обращаюсь к Батюшке.

– Спаси вас Господи!

– Спаси Господи!

Батюшка был крупный мужчина выше среднего роста, с аккуратно подстриженной бородкой и длинными волнистыми волосами, забранными сзади резинкой в хвост. Лицо его было абсолютно круглым.

Служительница на ушко проговорила что-то и показала текст.

– Нет, нет и нет! Не буду я его отпевать! Пусть хоть сам Патриарх Московский и Всея Руси прикажет, я грех на себя брать не буду! Им легко решение принять, а мне потом всю жизнь с этим грехом мытариться!

Батюшка размахивал руками, лицо всё покраснелось. Служительница отошла от него к свечной лавке.

– Батюшка, пожалуйста! Я вас очень прошу!

Арина упала на колени и уцепилась за край чёрной рясы.

– Нет! Не буду я самоубийцу отпевать!

– Но ведь он не виноват, оклеветали его! Вот он с горя руки на себя и наложил!

– Небось пьян был, вот и согрешил!

– Нет что вы, он детей от смерти спас! Он хороший, добрый! Пожалуйста, совершите обряд! Ведь и Владыка разрешил!

– Я же сказал – нет! Ему легко разрешить, а мытарить потом мне! Уйдите с глаз долой, а то епитимью на вас наложу!

Арина встала с колен. Слёзы потекли из глаз. Она пошла к служительнице и молча протянула руку.

– Ты, милая, не горюй так, а телефончик свой оставь. Я Батюшке Настоятелю позволю, что он ещё скажет.

– То же самое и скажет, что он ещё может сказать?

– Не знаю, не знаю. Надеяться надо на лучшее.

– Мне уже не на что надеяться.

Арина записала свой номер телефона на бумажке.

– Прощение тоже оставьте.

– Нет!

Арина ни за какие коврижки не согласилась бы оставить оригинал прошения.

– Я вам ксерокопию оставлю на всякий случай.

– Хорошо, я вам перезвоню при любом решении.

Девушка медленно вышла из часовни. Ярко светило солнышко. В растаявшем пруду копошились утки, выпрашивая хлеб у проходящих людей. Везде кипела жизнь, а вот её она никак не радовала. Арина так надеялась на это разрешение, а оказалось, что оно ничего не стоит. Каждый священник в своём храме хозяин, что хочет, то и делает, и нет на него никакой управы.

К самому Владыке, что ли, ей идти? Его просить исполнить своё же разрешение? Да кто её пустит-то к Владыке? Нет уже больше никакой надежды.

Тяжёлые думы так легли на сердце, что оно опять защемило, как тогда на Кий-острове. Как сомнамбула, Арина села в автобус и доехала до дому. В квартире никого не было. Она села за столик и написала записку маме и бабушке. Положила рядышком уже никому не нужное прошение и записку. Взяла телефон и написала СМС Николаю. Посидела, ничего не делая. Тяжёлые думы давили на сердце.

Встала. Подставила стул. Открыла окно. Свежий весенний ветер ворвался в квартиру. Солнышко согрело кожу на лице. Арина смотрела на голубое небо. Прямо на неё смотрел дядя Миша. Его серые глаза нельзя ни с кем перепутать. Он звал её к себе. Она сделала шаг навстречу.

Звонок в дверь вывел её из состояния транса. Зазвонил мобильник. Они трезвонили невпопад. Эта какофония не давала ей сосредоточиться. Грохнула дверь, с лязгом отскочил сорванный замок. В комнату ворвался Николай. Арина даже не успела ничего сообразить, как он схватил её в охапку и бухнулся на диван. Он крепко-крепко прижал её к себе.

Девушка уткнулась ему в плечо и разрыдалась. Он ничего не говорил, только гладил её по спине легонько, ждал, когда он успокоится.

– Разве ж так можно? Ты же нам здесь нужна.

– Так нет никакой надежды!

Девушка рассказала Николаю о своих злоключениях и снова зарыдала.

– Надежда всегда есть. И выход найдётся. Отказали здесь, пойдём в другой храм. Где-нибудь да непременно помогут. Не может такого быть, чтобы не помогли.

Успокоившись, Арина сказала:

– Надо записки порвать, а то мама с бабушкой увидят, вот горе будет.

– Порви, а я окно прикрою, а то свежо уж больно. Да вот ещё что: напои-ка меня чаем.

Арина схватила записки, порвала на мелкие клочки и спустила в унитаз. Вымыла руки, умыла лицо и прибрала волосы. Поставила на кухне чайник. Николай зашёл и присел на табуретку. Он был такой спокойный, что Арине сразу стало как-то легко, она засуетилась, поставила на стол печенье, сахар, конфеты. Заварила свежий крепкий чай.

Они сидели, пили чай и разговаривали, как будто были уже сто лет знакомы. Николай шутил, немного подтрунивая над Ариной. Но она на него не обижалась. Ведь он говорил не со зла, а хотел ей помочь. Она опять столько глупостей наделала. Нет чтобы Николая взять с собой, а то вот решила всё сделать сама. Самоуверенности вагон и маленькая тележка. А как встретилась с трудностями, то сразу и в кусты.

Зазвонил её мобильник. Арина сбегала в комнату и принесла его на кухню. Номер был незнакомый, но она решила всё-таки снять трубку. Если что, она была не одна, а с Николаем.

– Алё! Я вас слушаю!

– Алло! Здравствуйте! Это вас беспокоят из Храма Святой Блаженной Ксении Петербургской в Архангельске.

– Здравствуйте...

Арина удивилась. Она не оставляла номер своего телефона в храме.

– К нам поступило прошение с резолюцией Его Высокопреосвященства. Вы подавали прошение?

– Да, мы подавали прошение.

– Где похоронен усопший?

– На Маймаксанском кладбище.

– Завтра к одиннадцати часам вы сможете подъехать в часовню при кладбище?

– Да, сможем.

– Приезжайте, вас будут ждать. Чин погребения будет исполнен.

– Спасибо!

– Спаси Господи!

Короткие гудки.

– Что там?

– Приглашают завтра на Чин погребения к одиннадцати часам.

– Ну вот, я же говорил, что всё будет хорошо, а ты не верила.

Арина бросилась к Николаю, крепко обняла, прильнула губами к его крепкой шее.

– Спасибо тебе за всё!

– Это тебе спасибо за всё, без тебя бы никогда не додумались, как помочь папе.

Девушке было так тепло и уютно рядом с молодым человеком, что она ни за что на свете не захотела бы с ним расстаться. Но надо было идти к Ксении Николаевне, чтобы обрадовать её и договориться насчёт завтрашнего дня.

***

Утром они все втроём собрались и приехали в часовню. Служба ещё не закончилась, они приехали очень рано, боялись опоздать. В воскресенье автобусы ходили не самым лучшим образом. Народу было ещё больше, чем вчера. Ксения Николаевна вышла и присела на скамейку. Арина протиснулась внутрь, купила и зажгла свечи.

Николай тем временем разговаривал со служительницей. Когда подошла Арина, он уже обо всём договорился и оплатил требу отпевания. Они вышли из часовни и тоже присели на скамейку.

Вышел священник. Они встали, приветствуя его.

– Отец Настоятель распорядился исполнить Чин погребения заочно. Пойдёмте к могиле.

Николай пошёл впереди, показывая дорогу. Арина ни разу не была на могиле дяди Миши и дороги не знала.

– Рассказывайте, что случилось?

Девушка начала рассказывать. Она излагала историю в который уже раз, поэтому говорила чётко, расставляя всё по порядку, нисколько не заглаживая свою вину в этой истории.

– А кто всё-таки надругался над той девушкой в тонской избе?

– Точно не знаю, а догадок строить не хочу. Боюсь кого-нибудь снова оклеветать. А Ангелина молчит, ничего не говорит. Это её дело. Когда захочет, то сама всё расскажет.

– Да, тайное всегда становится когда-нибудь явным. Лишь один Господь всё видит, всё знает. И он один судить будет. А людям нельзя. Не судите, да не судимы будете.

Арина промолчала. Она не хотела никого судить. Ангелина мёртвой хваткойцепилась в Абажа. Она его не отпустит. А деваться ему некуда, он будет исполнять все её желания. Жизнь для него будет горше смерти. Наказание за грех нашло его и будет преследовать до конца жизни. Пусть они будут счастливы вдвоём, а Арина вмешиваться в их жизнь не будет.

Подошли к могиле. Николай открыл калитку оградки. Внутри стояла маленькая сосенка. Из земли уже начали пробиваться первые побеги.

Священник положил в кадило уголь, разжёл его и сверху положил кусочек ладана. Из щелей пошёл дым, сладко запахло ладаном. Батюшка возгласил:

– Благословён Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков...

Они перекрестились.

Обряд был долгий. Арина внимательно слушала, но почти не понимала слов. Лишь только в особо важные моменты осеняла себя крестным знаменем. Над кладбищем кружили чайки. Совсем как там, далеко-далеко на западе, на Кий-острове, где только скалы и сосны.

Обряд закончился. Священник сложил утварь. Николай, стесняясь, возблагодарил его за труды, положив конвертик ему в руки. Батюшка откланялся и ушёл.

– Спи спокойно, дядя Миша!

Арина погладила тёплый камень памятника, согретого весенним солнцем. Мысль пробежала в голове: «Да, теперь ты можешь»

спать спокойно. Справедливость, пусть и поздно, но восторжествовала. Время всё расставило на свои места. Пусть твоя душа будет покойна».

Конечно, она хотела бы, чтобы он был жив, но вернуть назад уже ничего нельзя. Её покаяние состояло в том, что она смогла осознать свою ошибку. Пусть и поздно, но смогла. И она получила своё наказание, точнее наказ, который в точности исполнила. Теперь и её душа будет покойна. Только она обязана жить. И не просто жить, а жить так, чтобы у дяди Миши появились внуки. В детстве она очень хотела, чтобы, когда она вырастет, у неё были дети, как минимум трое. А теперь она даже точно знала, от кого у неё будут дети. Да нет, не у неё, а у них. Они же будут вместе, одной семьёй.

Николай, стесняясь, обратился к Арине:

– Может, мы встретимся в следующее воскресенье?

– Хорошо, давай! Созвонимся!

Конечно, он был старше её. Но он ей нравился. С самой первой встречи. Как и она ему. Она это чувствовала. Они были нужны друг другу. У них было так много общего. И если дядю Мишу Арина любила, скорее всего, как отца, то Николая она полюбила как мужчину. Мужчину своей жизни.

***

Арина зашла в храм. Подошла к стойке со свечками. Взяла три свечи. Аккуратно взяла из ящичка записку «За упокой». Вздохнула и написала «Раба Божьего Михаила». Взяла другую записку «За Здравие», написала «Рабы Божьей Арины», немного подумала и добавила ещё несколько имён дорогих ей людей.

Подошла, молча протянула записки, показала свечи. Протянула банкноту в сто рублей. Получила сдачу и опустила её в ящик с надписью: «На Храм».

Подошла к большому квадратному столу с подсвечниками для свечек и распятием, расположенному у левой стены.

Перекрестилась дважды, поклонилась в пояс. От крайней из горящих свечей зажгла

свою, оплавив низ и поставила её в гнездо подсвечника.

Вздохнула, сосредоточилась, долго смотрела, как трепыхается огонёк свечи. Вспомнился Кий-остров, костёр на берегу, трепетание пламени, яркая капелька смолы на полене. Растопленная капля воска пробежала от пламени вниз по свече и застыла у гнезда.

– Помяни, Господи, душу усопшего раба Твоего Михаила, и прости ему все согрешения вольные и невольные, и даруй ему Царство Небесное.

Арина перекрестилась и поклонилась. Слеза выскочила и пробежала по щеке. Потом вторая, третья. Потихоньку она успокоилась, и слёзы перестали бежать. Девушка промокнула их бумажной салфеткой. Ещё дважды прочитала молитву и дважды перекрестилась с поклоном.

Постояла спокойно. Отошла к иконе, выставленной в центре храма. Дважды перекрестилась, зажгла и установила свечу.

– Ангел Христов, хранитель мой святой и покровитель души и тела моего, прости меня, в чём согрешила, и от всякого коварства врага моего избавь меня, да не прогневаю я Бога моего никаким грехом, но моли за меня, грешную и недостойную рабу Божью Арину, чтобы достойным оказалась я благодати и милости Пресвятой Троицы и Матери Господа моего Иисуса Христа и всех святых. Аминь.

Арина осенила себя крестным знаменем. Зажгла и установила свечу.

– Спаси, Господи, и помилуй отца моего духовного, родителей моих, сродников, благодетелей и всех православных христиан.

Девушка перекрестилась трижды. Повернулась и пошла. У входа она ещё раз повернулась и перекрестилась. Вышла на улицу. Достала монетки из кармана, подала по монетке каждому нищему: «Молитесь за упокоевание души раба Божьего Михаила!»

Арина шла по набережной. Солнце ласкало её лицо. Лёгкий ветерок развеивал волосы. На душе было спокойно и радостно. Она шла навстречу своей судьбе.

Архангельск, 2016–2017